

Ольга Трухачёва

НА ПАМЯТЬ О НЕВЕРОЯТНОМ

В Павлодаре при Славянском культурном центре уже пять лет работает музей замечательной русской писательницы-мемуаристки Анастасии Ивановны Цветаевой. Я хочу рассказать читателям «Простора» истории нескольких экспонатов этого уникального музея.

ПИСЬМА БОРИСА ПАСТЕРНАКА В ПАВЛОДАР

В павлодарский музей своей бабушки – писательницы-мемуаристки Анастасии Ивановны Цветаевой её младшая внучка Ольга Трухачёва привезла недавно из Москвы немало интересных экспонатов. Среди них – письма поэта Бориса Пастернака, которые Анастасия Ивановна получала именно в Павлодаре, в 1957 и 1958 годах. Это два машинописных листка из личного архива писательницы, с пометками, сделанными рукой А. И. Цветаевой. На конверте, в котором они хранились (и который тоже передан в музей) также надписи адресата пастернаковских писем.

Анастасия Ивановна так рассказывала о начале работы над главной книгой своей жизни «Воспоминания»: «...Я начала писать в первую же весну 1957 года, поселясь у сына в городе Павлодаре, сев у окошка в палисадник хозяйки <...>. Я начала мой первый том «Воспоминаний» с первых воспоминаний детства, всё сначала точно в первый раз <...>. Я писала и отсылала начатое – в копиях – Пастернаку, и он ответил мне удивительным письмом».

Вот строки из этого «удивительного письма»: «22 сентября 1958 г. Ася, душечка, bravo, bravo! Только что получил и только что прочёл продолжение, читал и плакал! Каким языком сердца всё это написано, как это дышит почти восстановленным жаром тех дней! Как бы высоко я Вас ни ставил, как бы ни любил, я совсем не ждал дальше такой сжатости и силы...

...Ваш слог обладает властью претворения, – я забываю, что этих матерей и комнат и девочек уже нет, они заново повторяют свой обречённый выход, заново живут и заново уходят, нет слёз, достаточных, чтобы оплакать их исчезновение и конец. Какие драгоценные пропавшие клады.

...Пишите так дальше, это поразительные воспоминания. Позор, что я до сих пор не нашёл возможности перевести Вам немного денег, но я ещё заглажу этот стыд...»

Впервые это письмо Б. Пастернака было опубликовано в газете «Досье. Век Пастернака» (приложение к «Литературной газете», февраль, 1990 г.). Автограф хранится в РГАЛИ.

А вот строки из ещё одного письма, адресованного в Павлодар, от 26 октября 1957 года. В нём Пастернак пишет о ситуации с романом «Доктор Живаго», который вышел в свет в Италии в 1957 году в издательстве Фельтринелли и за который в 1958 году поэт получит Нобелевскую премию:

«...Меня слишком полюбили где-то в далёком мире, и роман проник туда и стал известен, в особенности вторая, неизвестная вам книга, и это на мне отзывается, сурово, неприятно и никогда не предвидимо. Кроме того ведь наметившийся в течение истекшего года поворот становится всё круче, набор готовившейся более года книги моей рассыпан, эта же судьба постигла или может постигнуть и Цветаеву и Ахматову...»

Познакомила Бориса Пастернака со своей младшей сестрой Анастасией Марина Ивановна Цветаева. Вначале знакомство было заочным. В своей книге «Воспоминания» (кстати, выдержавшей уже 8 изданий!) А. И. Цветаева в главе «Молодость» описывает встречу с сестрой после возвращения из Крыма в Москву в 1921 году:

«...Поздний летний вечер; на Поварской пахло цветущими липами, душистая мгла была весома. Мы шли, прорезая её собой.

– Замечательный поэт Мандельштам, – сказала Марина, – и ещё есть один, я его всего раз видела и слышала, как он читает. Пастернак. Ни на кого не похож. Благороден! И ОЧЕНЬ талантлив. Запомни: Борис Пастернак.

– Запомню! – сказала я...»

Через год Марина Ивановна уехала к мужу, за границу. В 1923 году семья жила в Чехии. А в Берлине в феврале вышла её книга стихов «Ремесло». В это же время в Берлине был Борис Пастернак с женой, и М. Цветаева попросила его отвезти свою новую книгу в Москву – сестре Анастасии и поэту Павлу Антокольскому. Так в 1923 году произошло личное знакомство Анастасии Цветаевой и Бориса Пастернака, перешедшее в дружбу и длившееся почти сорок лет...

В 1924 году Анастасия Ивановна работала в библиотеке Музея изящных искусств (сейчас ГМИИ им. А. С. Пушкина), основанного её отцом, Иваном Владимировичем Цветаевым. В гостях у младшей Цветаевой в Мерзляковском переулке бывает Б. Л. Пастернак. Этот факт исследователи установили по его письму от 23 июня 1924 года к жене Евгении Владимировне. В нём поэт сообщает: «У Марины Цветаевой есть сестра Анастасия... Она большая умница. Она сама писательница, только прозу пишет...»

Продолжается общение и в следующем году, ведутся «беседы о смысле жизни», младшая Цветаева рассказывает замысел своего романа «Музей». Пастернак «слушал с напряжённым вниманием, хвалил...». К сожалению, рукопись этого романа, как и многих других произведений писательницы, будет утрачена при аресте 1937 года.

В 1927 году А. И. Цветаева ездила к Горькому в Сорренто. Эта встреча подробно описана в «Воспоминаниях» в отдельной главе «Поездка к Горькому. Встреча с Мариной». 11 октября в Москве на вокзале её встречал Борис Пастернак. Цветаева передала ему неодобрительный отзыв А. М. Горького о его поэме «Лейтенант Шмидт». Из этого впоследствии развилось недоразумение, прервавшее отношения Пастернака и Горького. Но надо сказать, что отрицательный отзыв об этой поэме Горький позже высказывал и другим лицам...

Через два года Пастернак посвящает свою поэму «Высокая болезнь» Анастасии Цветаевой. В книге «Поверх барьеров» (М. – Л., ГИЗ, 1929) полный текст поэмы был опубликован впервые. В последующих изданиях посвящение уже не печатается...

У Анастасии Цветаевой тоже есть посвящения Борису Леонидовичу. В 1938 году, в тюрьме, она пишет стихотворение «Ёлка», посвящённое ею позже Пастернаку, которому это стихотворение понравилось. Но до этого ареста (в 1937-м) был ещё один, в апреле 1933 года. Пастернак тогда обратился к жене Горького – Екатерине Павловне Пешковой, возглавлявшей организацию «Помполит» (Помощь политическим заключённым). Видимо, Пешкова привлекла к решению вопроса и Алексея Максимовича. Через 64 дня А. Цветаеву освободили. При втором аресте следователь сразу сказал, мол, теперь Горького нет, получишь по полной... И Анастасия Ивановна пробыла в лагерях ровно 10 лет.

С 1945 года, по словам А. Цветаевой, как только это было разрешено, возобновилась переписка с Пастернаком и его женой Зинаидой Николаевной. «Я написала ему, что чувствую, что никогда уже писать не буду, – вспоминала Анастасия Ивановна. – Вот на это, отозвавшись без промедления, он ответил мне письмом утешения – о том, что такое, по его опыту, процесс творчества... Это письмо очень помогло мне тогда. Пастернак мне писал, что чувство, меня на годы обнявшее, он испытывает каждый раз, когда, что-то закончив, перестаёт писать. Сомнение в своих возможностях, ощущение, что талант смолк, органично писателю. Но что я буду писать, у него нет в том сомнения...»

По свидетельству Лизы Симуни (той девочки, которой она преподавала английский на Дальнем Востоке), Анастасия Ивановна достаточно часто получала письма и бандероли от Пастернака, Эренбурга с их произведениями.

В 1947 году А. И. Цветаева освободилась из лагеря. Но «мирная жизнь» продолжалась недолго. В марте 1949 года в Вологодской области, куда она приехала к сыну Андрею, Анастасия Ивановна была вновь арестована – как «повторник». Ссылка в Новосибирскую область, в деревню Пихтовка. Вскоре по приезду в Пихтовку она получает от Б. Пастернака помощь – 500 рублей.

Какой бы трудной ни была жизнь, А. Цветаева в ссылке пишет «зарисовки» из сибирской жизни, которые послужат потом основой книги «Моя Сибирь». Она посылает Пастернаку рассказ «Тега». Всё же далёк был поэт от реалий суровой деревенской жизни... Узнав из сюжета о том, как сокрушалась Анастасия Ивановна о гусе, которого зарезал его хозяин, Борис Леонидович написал: «Но, по крайней мере, вы заплатили хозяину гуся, чтобы его похоронить?»

В 1950 году Б. Пастернак выслал в Пихтовку первую часть романа «Доктор Живаго». Роман Цветаевой не понравился, и она написала об этом автору. На сколько Анастасия Ивановна любила поэзию Пастернака, настолько не принимала прозу... Критиком она была строгим. «Все отдельные сцены хороши, как всегда у Пастернака, – говорила она о «Докторе Живаго», – а романа – не получилось. Он говорит свои мысли и вкладывает в рот персонажу... Чувства же он передаёт волшебным образом, память чувств...»

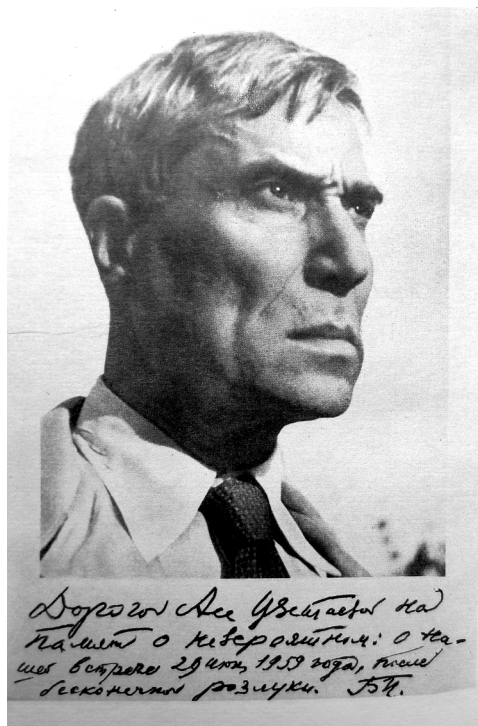
Позднее, при встрече, когда Пастернак сказал, что в докторе Живаго в значительной мере он изобразил себя, А. Цветаева в ответ воскликнула: «Как, Борис, этот слизняк, это – вы?!»... Она была человеком страстным и бескомпромиссным.

Тем не менее её критические отзывы никак не сказывались на их человеческих взаимоотношениях и творческой дружбе.

О том, как помогал ей поэт в тяжёлые годы ссылки, Анастасия Ивановна помнила всегда. У её старшей внучки Риты (с ней и со своим сыном от первого брака Геной приехала в Пихтовку летом 1951 года невестка Нина Андреевна Трухачёва) самыми радостными воспоминаниями детства остались те дни, когда приходила в Пихтовку посылка – «от тёти Али, Бориса Пастернака или тёти Лёры... и на

столе – о чудо! – горка конфет, пастилы, клюквы в сахаре – это такая редкость! Мы прыгали от радости и счастья!..»

Увиделись они только в 1959 году. А. Цветаева приехала из Павлодара в Москву вместе с внучкой Ритой, хлопотать о реабилитации. Двадцать два года она не была в родном городе! 29 июня произошла их последняя встреча с Борисом Пастернаком, на квартире Ольги Ивинской. В эту встречу поэт подарил А. Цветаевой свою фотографию с надписью: «Дорогой Асе Цветаевой на память о невероятном: о нашей встрече 29 июня 1959 г., после бесконечной разлуки. БП».

«Две вещи меня поразили в Борисе, – напишет позже Анастасия Ивановна, – его молодость и белизна его волос...» Пастернак рассказывал о прожитых годах, шутил... «Я не помню момента прощания с Борисом; ни он, ни я не ощущали, что это прощание настоящее. Но он сходил, помнится, с лестницы. И я глядела вслед. Через 11 месяцев его не стало...».

«Вы были на похоронах Пастернака?» – спросили её в одном из интервью. «Нет, – ответила Анастасия Ивановна, – я должна была возвращаться в Павлодар. Но 31 мая я была в Переделкине, куда ехало множество народу, услышавшего о смерти Бориса Пастернака... Борис лежал, помнится, на узком диване, в тёмном... Нельзя было наглядеться на это лицо... Оно было... совершенный покой».

Анастасия Цветаева дала одно из лучших определений этого великого поэта XX века: «Он был таким, каким человек был задуман».

ПАВЛОДАР, ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ, ЦВЕТАЕВОЙ...

Среди многих экспонатов музея (а их на декабрь 2017 года насчитывается 2860) своей особой историей выделяется пожелтевшая от времени почтовая открытка. Она датирована 23 декабря 1958 года и адресована в Павлодар: «До востребования, Анастасии Ивановне Цветаевой». Подписана открытка коротко – «Ваша Лиза».

Эта почтовая карточка «приехала» в музей из Москвы. Через 55 лет она вернулась в город своего назначения. Вместе с другими материалами, письмами, фотографиями она была подарена павлодарскому музею Галиной Яковлевной Никитиной. Вместе с мужем Глебом Казимировичем Васильевым (увы, уже покойным) они 18 лет дружили с Анастасией Ивановной, были хранителями её архива и пропагандистами её творчества, выпускали неизданные цветаевские произведения. Анастасия Ивановна звала их «Глебы». Часть собранного «Глебами» архива находится теперь в Павлодаре, городе, где писательница провела много лет своей жизни и где начала писать свою главную книгу – «Воспоминания».

Итак, почтовая карточка. Её история началась в 1942 году на Дальнем Востоке, где в многочисленных сталинских лагерях трудились и умирали от непосильной

работы, полуголодного существования и болезней тысячи безвинно репрессированных. Анастасия Ивановна Цветаева в это время отбывала свой десятилетний срок в лагере на станции Брусничной на строящейся Байкало-Амурской магистрали, в Хабаровском крае. Этот лагерь считался неблагополучным даже среди других, тоже далеко не «комфортных» мест заключения. И вот однажды на Брусничную приехал инженер-строитель Яков Наумович Симуни, который организовал в соседнем посёлке, на станции Известковой, деревообрабатывающий комбинат. А рабочая сила на БАМе была тогда одна – заключённые ГУЛАГа (Надо сказать, что сам Я. Н. Симуни вместе с женой приехали в эти глухие края из Ленинграда в 1938 году по своей воле, как истинные энтузиасты – на строительство железной дороги...).

Вот как описала впоследствии этот момент дочь Я. Симуни – Елизавета Яковлевна: «Когда они вышли из машины и направились в контору, им преградили путь несколько женщин, которые буквально взмолились взять их из этого лагеря. Папа стал интересоваться, что каждая из них может делать. Очередь дошла и до этой «старушки». Она сказала, что может чертить, рисовать, писать каллиграфическим почерком и обучать английскому языку. Это и была Анастасия Ивановна Цветаева...» (из очерка Е. Я. Симуни «В Известковой» в книге «Последний луч Серебряного века», Москва, 2010).

Сама А. И. Цветаева в автобиографическом романе «Апог» описывает эпизод своего спасения из Брусничной немного иначе (возможно, это просто продолжение предыдущих событий):

«...В барак вошла начальница колонны и громко назвала фамилию Ники (главная героиня романа. – О. Г.).

– С вещами!

(Арест! Боже мой! В изолятор?!)

Дальше всё было как во сне... Ника оказалась за зоной. Но с ней шёл только один солдат.

– Мать, – сказал солдат, – ты не переживай, это только с виду – арестовали тебя, – знаешь что... тебя начальство умыкнуло... в наше отделение... чтобы ты им языки преподавала. Так ты сама иди через поле в ЦРМ (центральные ремонтные мастерские). Так тебя либо там устроят, либо в ДОКе (деревообрабатывающий комбинат). Там тебя встретят.

– О, нет, дорогой! – ответила Ника. – Одной мне идти без документов? Что я, глупая? ...И чтоб меня обвинили в побеге и дали бы мне срок?!

...Никю взяли в ДОК – и стала Ника преподавать начальству английский язык».

Как бы то ни было, Анастасия Ивановна стала приходить в дом начальника ДОКа Якова Наумовича Симуни и преподавать его дочери Лизе английский язык. Лизе было тогда восемь лет, а Цветаевой – 48. Вначале её сопровождал «человек с ружьём», но потом Яков Наумович переговорил с лагерным начальством, и Анастасия Ивановна стала приходить без провожатого.

«Итак, начались занятия, – пишет Елизавета Яковлевна. – Война. С бумагой плохо. Анастасия Ивановна на каких-то клочках, обрывках, обложках, как на карточках, писала слова и таким образом составляла каталог. Эти карточки помещались в специально сделанные деревянные ящички – получался «запас» слов, который постоянно пополнялся. Анастасия Ивановна сама составляла учебники, которые были фантастически изобретательны и интересны! Очень часто она приводила ко мне на уроки взрослых людей, которых также обучала языку, для предметных бесед, диалогов и составления рассказов. И я, маленькая девочка, вела диалоги со взрослыми. Происходило это так. Мы сидели, Анастасия Ивановна вынимала из

каталога карточки, раздавала их нам и задавала тему беседы и диалогов. И всё это в те времена и за 10 тысяч километров от Москвы, когда не было никаких пособий! Это было удивительно!»

А. И. Цветаева подружилась с матерью Лизы Сарой Иосифовной. Однажды Лиза застала маму и Анастасию Ивановну плачущими. Оказывается, одновременно они получили трагические известия – о гибели Марины Цветаевой в 1941 году в Елабуге и о смерти брата Сары Иосифовны в блокадном Ленинграде...

Анастасия Ивановна учила Лизу Симуни не только английскому. Как писала Елизавета Яковлевна в письме от 13 февраля 1958 года (оно теперь тоже в павлодарском музее А. Цветаевой): «...Чем только Вы со мной не занимались! И чтение вслух, и диктовки, и немецкий, я уже не говорю об английском. Помню, как Вы читали мне «Три толстяка», вообще, я всё помню очень хорошо. Те годы были счастливыми, хотя и была суровая война...» Словом, благодаря Цветаевой Лиза получила дома прекрасное «классическое образование», поэтому совсем не удивительно, что после школы, когда они с отцом вернулись в Ленинград, Елизавета Симуни сразу поступила в Институт иностранных языков, училась легко и была отличницей!

Елизавета Яковлевна была благодарна Цветаевой не только за уроки, но и за человеческую поддержку. В 1945 году Лиза с отцом остались вдвоём, её мама умерла в возрасте 35 лет. Фотография 1945 года, на которой Лиза с отцом сидят возле гроба матери, теперь тоже хранится в Павлодаре.

«В этот тяжёлый для нас период, – пишет Е. Я. Симуни, – Анастасия Ивановна была для нас всем: мамой, бабушкой и большим другом».

Она не могла не вспоминать с благодарностью своего педагога, и была счастлива, когда ей удалось узнать адрес Анастасии Ивановны: Казахстан, город Павлодар.

В открытке, пополнившей фонды павлодарского музея А. И. Цветаевой, написано: «...Любимая Анастасия Ивановна, мне бы очень хотелось с Вами повидаться, имеете ли Вы возможность приехать в Москву ко мне... хоть когда-нибудь? Как было бы хорошо! «Дёшу» я получила в рукописном виде ещё летом...»

Рассказ «Лиза и Дёша», о котором пишет Е. Симуни, был включён потом в книгу А. Цветаевой «Непостижимые» (Москва, 1992). Рассказывается в нём как раз об уроках английского на станции Известковой – когда кот Дёша прослушивал весь урок и выполнял команды Анастасии Ивановны на английском языке...

В этом рассказе говорится и о первом письме Лизы в Павлодар: «...И вот прошли «города и годы», и прошло их много, и имён, и чисел... когда я получила по почте письмо. Незнакомый почерк, пробегаю глазами первые строки. Господи, это мне? Как читать – радость двадцатишестилетней женщины, которая, наконец, нашла свою учительницу и хочет обнять её и благодарить, и мечтает увидеться! Читать – трудно. Слезы застилают глаза...»

В 1959 году Анастасия Ивановна вместе с внучкой Ритой поехала из Павлодара в Москву – добиваться реабилитации. Десять дней они жили в семье Елизаветы Яковлевны (она с 1957 года жила в Москве). И когда писательница окончательно перебралась в столицу, Е. Симуни с мужем не раз бывали у неё в гостях, в коммунальной квартире на улице Горького. А на встрече 10 января 1988 года, тогда Анастасия Ивановна уже жила в квартире на улице Большая Спасская, Цветаева подарила Лизе свою книгу «Воспоминания» с надписью: «Дорогой моей ученице Лизе Симуни на добрую память о прошлом. С добрыми пожеланиями. А. Цветаева, на 94 году». Об этой встрече рассказано в книге, выпущенной «Глебами» и тоже подаренной с автографом в Павлодар – «Телефон на Б. Спасской. 1988» (Москва, 2003).

Учительница и ученица встречались и в Прибалтике, в Паланге в 60-е годы. Там Анастасия Ивановна, направляясь к морю вместе с внучкой Ритой, всегда несла с собой в сумке учебники по английскому языку. Занятия не прерывались ни на один день – как и в далёкие сороковые, на станции Известковой...

ОЧКИ ЦВЕТАЕВОЙ

Это один из самых ценных экспонатов павлодарского музея писательницы Анастасии Цветаевой. Стареньким очкам со сломанной дужкой, которые Анастасия Ивановна носила в Павлодаре, уже более полувека. Их передала в музей своей бабушки из Москвы младшая внучка. Ольга Андреевна написала, что, когда собирала подарки для Павлодара, достала и эти очки. Они были завёрнуты в уже пожелтевшую бумагу, и «бумага просто рассыпалась в пыль, когда я начала их разворачивать...».

«Очков было много...»

«Очков у бабушки было много, – пишет Ольга Андреевна, – естественно, они ломались и при переездах, и от старости. Бабушка только ходила в очках, но никогда в них не читала, а всегда очки опускала вниз, и они висели на ухе на одной дужке, она прищуривала один глаз и читала, очень близко поднося книгу или любой текст к лицу. Её очки в доме можно было найти в самых неожиданных местах. Я помню, как мы однажды с ней долго искали её очки (мне было лет девять), а потом неожиданно нашли их в холодильнике и очень смеялись. «Это по рассеянности», – сказала бабушка. А я знаю, что она в ту ночь спала всего полчаса, работала. Это было в Москве на улице Медведева (сейчас ей вернули прежнее название – Старопименовский переулок). Я помню, что она старалась беречь глаза, не поднимать тяжести, старалась, чтобы правильно падал свет. Учила меня, что расстояние, когда пишешь, должно быть не менее 30 сантиметров между глазами и страницей. Поэтому она мерила расстояние линейкой, когда учила меня читать и писать, и при моём негодовании говорила, что я не должна надеть очки, как она с сестрой Мариной или моя сестра Рита (они близоруки). Мне она так «спасала зрение», приводя себя в пример: она привязывала меня резинкой к стулу и следила, чтобы я не наклонилась слишком низко, резинка меня отбрасывала назад, если расстояние становилось меньше 30 сантиметров!»

Бабушка не давала смотреть телевизор, когда он появился в семье – в Павлодаре, летом 1966 года. Говорила, что наше поколение перестанет читать, и все поголовно будут в очках! А она бы с удовольствием сидела на высоком берегу океана, ей бы несли телевизоры, а она бы их топила. Вот так...»

Что скажешь, во многом провидческие слова о чтении говорила Анастасия Ивановна. Если бы она ещё узнала о компьютерах...

«Покой, режим дня...»

Большинство из тех, кто вспоминает Анастасию Ивановну, говорят, что она постоянно ходила в очках. Но редко на какой фотографии увидишь её в очках. Наиболее запоминающаяся вот эта – снимок из следственного дела А. И. Цветаевой. Собственно, все серьёзные болезни глаз писательницы объяснимы жизненными обстоятельствами – 17 лет лагерей и ссылок, скудное питание, тяжёлая физическая

работа. К близорукости добавились проблемы с сетчаткой. В сталинских лагерях на Дальнем Востоке А. Цветаева находилась с 1937 по 1947 год. Потом короткая передышка, и снова арест 17 марта 1949 года – в посёлке Печаткино под Вологдой. За несколько месяцев до ареста она проходила лечение в глазной клинике Вологды. Воспоминание об этом есть в книге «Моя Сибирь», где автор, описывая обстановку в новосибирской лечебнице, замечает: «Начиная с палат, всё было другое, чем в вологодской областной глазной больнице под начальством Евгении Васильевны Александрович, очень умной и очень доброй женщины, изумительного администратора: там был уют и ласковость – персонал был подобран, палаты небольшие, покойные...» При выписке Е. В. Александрович сказала своей пациентке: «Запрет носить тяжести. Запрет наклона. Сон по 10 часов в сутки. Покой, режим дня. Иначе...»

Да, покой, режим дня – если бы это было выполнимо! 1 июня 1949 года А. Цветаева была приговорена к ссылке, и после пяти (!) пересыльных тюрем в августе этого года добралась с этапом до села Пихтовка Колыванского района Новосибирской области. Жизнь была трудной и голодной. В одном из писем из Пихтовки есть такие слова: «...Молясь Богу, чтобы не ослепнуть, ношу воду поливать огород издалека (соседи из колодца не дают)... И тяпаю, тяпаю тяпкой плохо вскопанную целину, одолевая комья сухие, как камень. В глазах – круги, в животе – пусто...»

Вначале вместе с другой ссыльной, А. И. Топорниной, они жили в крестьянской избе, в чуланчике, потом решили строиться. Анастасии Ивановне прислал 500 рублей поэт Борис Пастернак, сын Андрей тоже по мере возможности слал денежные переводы, и она купила брёвна заброшенной конюшенки для стройки. Сосед обещал помочь со строительством избышки. На этом строительстве она и надорвалась, ворочая брёвна, поднимая запрещённые ей тяжести... «Да, но что я могла! – писала потом Цветаева. – Тяпать в наклон, таскать воду, брёвна... – в чём себя упрекать? Так распорядилась мной жизнь...»

Однажды Анастасия Ивановна «...взглянула вдаль и вдруг увидела, что каланча на селе – качается. Я протёрла очки – всё равно. Я прищурила левый глаз: качается. Прищурила правый: каланча стоит... Испортился правый глаз». Отслоение сетчатки. В конце 1950 года А. Цветаеву положили в районную Колыванскую больницу, а в январе 1951-го на почтовом самолёте доставили в Новосибирск. В областной глазной больнице она пролежала до марта. Там встретилась Цветаева с Александрой Севе-

ровой Стрельниковой, создательницей дыхательной гимнастики. Интересно, что через тридцать лет, в Москве, писательница познакомилась с её дочерью, Александрой Николаевной Стрельниковой, которая продолжала дело матери. И тогда, в свои 87 лет, Анастасия Ивановна с успехом стала заниматься дыхательной гимнастикой! (Как писал впоследствии её литературный секретарь Станислав Айдинян, «лечилась она бодро, с верой – лечилась, как молилась, не щадя себя...»)

А весной 1951 года, после возвращения из новосибирской больницы в Пихтовку, начались нелёгкие сельские будни с их неизбежной работой – и наклоны на огороде, и поднятие тяжестей, и таскание воды... В 1956 году А. И. Цветаевой выдали справку об инвалидности второй группы по зрению, которую потом подтвердили в Павлодаре в 1957 году.

Зрение внешнее и внутреннее

Конечно, любая личная вещь писателя, представленная в экспозиции музея – это повод побольше узнать о его судьбе, характере, привычках, особенностях поведения. Так и очки А. И. Цветаевой – «герои» многих жизненных ситуаций. К примеру, в повести «Старость и молодость», посвящённой Кокчетаву, где Анастасия Ивановна жила со старшей внучкой Ритой в конце лета и осенью 1966 года, во время её поступления в пединститут, описывается такой факт. Мальчишки на улице, завидев Цветаеву, кричали: «Баба Яга!» и, дразня, бежали за ней. Анастасия Ивановна с большой долей юмора размышляет, чем вызвано такое поведение: «...Почему я Баба Яга? Не такой уж длинный нос – длинный, но в норме. Очки? Малодушие моё простёрлось до того, что на днях я сняла очки...» Потом она приходит к выводу, что всё-таки не очки, а всё вместе: стремительная походка, нос, очки, палка, волосы, весь её необычный для тихого Кокчетава облик – и вызывало такую реакцию ребятни. Кстати, по словам очевидцев, и в Павлодаре в 50-е годы мальчишки не раз дразнили Цветаеву «Бабой Ягой», когда она «летала» по улицам тогда маленького и пыльного городка...

А внук Анастасии Ивановны Геннадий Васильевич Зеленин вместе с женой Раисой Иосифовной (они и сейчас живут в Павлодаре) вспоминают, как «бабушка Ася» пришла к ним на улицу Катаева в мае 1970 года, посмотреть на их новорождённую дочь Леночку: «Она сняла очки, близко-близко наклонилась над ребёнком, и одним глазом (видимо, левым, который лучше видел. – О. Г.) стала её рассматривать. А потом сказала: “Какая красивая девочка!”» У Лены были длинные волосики, и с тех пор всякий раз, когда Анастасия Ивановна встречалась с Раисой Иосифовной, непременно спрашивала, не остригла ли Леночка свои косы. Её внимание и интерес ко всем близким, ко всем окружающим людям были поразительными.

Подруга А. И. Цветаевой – Доброслава Анатольевна Донская в своей книге «Анастасия Цветаева. Штрихи к портрету» (Орехово-Зуево, 2002) цитирует их телефонный разговор 28 февраля 1988 года. «Анастасия Ивановна: «Мне сегодня приснилась Марина. Она меня позвала, и мы пошли вместе. А потом я вернулась за очками домой и долго их искала. Она заглянула ко мне и ушла одна, без меня». Наверное, толкователи снов объяснили бы этот сюжет так – младшую Цветаеву от ухода спасли очки, то есть её работа, которая без очков невозможна...

Кстати, в письмах А. И. Цветаевой к Д. А. Донской, которые Доброслава Анатольевна в октябре 2013 года любезно передала павлодарскому музею писательницы, не раз упоминаются проблемы со зрением. Письмо от 13 августа 1987 года: «Зрение моё падает, беда. Евангелие мне читают...» (последнее слово в письме подчёркнуто).

В своих воспоминаниях Ю. Н. Плущер-Сарно, знакомый А. Цветаевой, пишет: «У Анастасии Ивановны была старческая катаракта, и из-за неё очень сильная близорукость. Наверное, она даже в своих очках видела нечётко. Кроме того, один глаз у неё был подвержен кровоизлияниям... Все эти недостатки зрения не мешали Анастасии Ивановне замечать то, что ускользало от внимания многих людей с нормальным зрением. Причём она, как правило, не разглядывала что-нибудь или кого-нибудь в упор, а скорее искоса и вроде бы мельком...» (из книги «Последний луч Серебряного века». Москва, 2010). Е. М. Устюжанинова (в той же книге) пишет, что ещё в начале 60-х А. И. Цветаева страдала глаукомой, но она не привела её к слепоте даже и через 30 лет, так как Анастасия Ивановна постоянно принимала гомеопатические лекарства, в силу которых свято верила...

Конечно, после ссылки А. Цветаева старалась придерживаться рекомендаций врачей – не поднимать более трёх килограмм. Но писала всегда очень много, по несколько часов каждый день. И эта нагрузка, несомненно, влияла на ухудшение зрения. Но Анастасия Ивановна, не дожив всего трёх недель до своего 99-летия, преодолевая и старость, и усталость, и болезни, до последних дней считала главным – успеть помочь другим, успеть написать, вспомнить...

И ещё один совет от А. И. Цветаевой, касающийся зрения (уже не внешнего, а внутреннего). Когда она видела, что люди расстраиваются или, того хуже, ссорятся из-за пустяков, из-за ерунды, то говорила: «Это вы в увеличительное стекло всё рассматриваете, потому и ссоритесь! А вы смотрите на всё это в перевёрнутый бинокль, тогда всё станет мелким, пропадёт!»

«ХРАНИ ВАС БОГ!»

...Эти двадцать икон, возможно, не представляют особой художественной ценности для искусствоведов, но для поклонников цветаевского таланта они, несомненно, бесценны, так как стояли в комнате писательницы, сопровождали её в поездках, а для многих из них она сама делала оклады из подручных материалов – фольги, бумаги, картона...

Ольга Трухачёва, подарившая их музею, написала воспоминания, которые назвала «Храни вас Бог!»: «Сколько себя помню, бабушка не засыпала без молитвы и просыпалась с молитвой. Она не была фанатичкой. Бабушка была просто верующим человеком. Прошла свой путь к Богу – от его отрицания в юности до слов, перед уходом, с просьбой простить её прегрешения.

Когда мне дали возможность познакомиться с её следственными делами (времен сталинских репрессий), то я вспомнила её рассказ о допросах, на которых она читала молитвы и стихи про себя.

Поверив в Бога, она никогда не усомнилась в вере. В молодости дала обет “монашества в миру”. Не ела мяса, не лгала. Могла промолчать, но не лгала.

Она сделала сама маленький иконостас из картонной обложки с амбарной книги и пришила к ней маленькие иконки (сейчас он в Тарусском музее семьи Цветаевых), открывала его и в поезде Павлодар – Москва (и в других поездках) и молилась. Маленькой она меня водила в павлодарскую церковь, на улице Карла Маркса, причащаться (меня там и крестили четырёх месяцев)... Она учила меня молитвам, я до сих пор помню их наизусть.

...Мы с бабушкой собирали цветные крышки из фольги от молока и кефира и фантики от конфет, она из них делала оклады к иконам. Некоторые иконы сегодня вернулись домой, в Павлодар. Помню некоторые из них на полке в моей комнате на этажерке. Бабушка рассказывала мне о блаженной Ефросинье, и мы вместе ез-

дили к святому источнику в Колюпаново. Меня, семилетнюю, именно она привезла в первый раз в Сергиев-Посад, в Лавру...»

Многие из икон были приобретены А. Цветаевой именно в таких поездках. К примеру, довольно редкая икона Исидора Юрьевского — священника Никольской церкви города Юрьева (Дерпта, современный Тарту в Эстонии), по преданию, убитого за отказ принять католичество.

По договору, заключённому в 1463 году между Московским великим князем Иоанном III и ливонскими рыцарями, последние обязывались оказывать всяческое покровительство православному в Дерпте. Однако ливонцы нарушили договор и стали принуждать православных к унии. Пресвитер Исидор мужественно стал на защиту Православия. Он предпочёл принять

мученический венец, но не подчиниться католикам. Блаженный Исидор и с ним 72 прихожанина были утоплены в проруби в праздник Богоявления после освящения воды в реке Амовже. Весной, во время разлива, нетленные тела святых мучеников и среди них тело священномученика Исидора в полном облачении были найдены проезжавшими русскими купцами на берегу. Святых погребли около Никольской церкви...

В окладе из фольги — икона «Праведная кончина преподобного Серафима Саровского», это самый почитаемый писательницей святой. Икона с загадкой — вся обратная сторона (дерево) исписана мелким и неразборчивым почерком писательницы. Начинается запись строчкой «В субб., 6.10.1956 в Уфе». То есть иконе по меньшей мере 60 лет... Полностью эту надпись ещё предстоит расшифровать... Судя по всему, Анастасия Ивановна записала здесь даты православных праздников.

Внук А. И. Цветаевой Геннадий Васильевич Зеленин, который был вместе с бабушкой в годы ссылки (начало 50-х гг.) в Пихтовке Новосибирской области, вспоминал свою беседу с ней, когда они шли по улице этой деревни. «Запомни мои слова, Геля, — говорила Анастасия Ивановна, — сейчас запрещают молиться, делают из церквей амбары, конюшни... Но запомни, настанет день, когда будет наоборот, церкви будут восстанавливаться, люди вернуться к Богу...» Геннадий Васильевич вспоминает, что и там, в маленьком домике в Пихтовке, у бабушки был иконостас, одна большая икона и две маленьких. «Утром и вечером бабушка молилась, особенно долго вечером, вспоминая всех усопших, и прежде всего свою любимую сестру Марину Ивановну Цветаеву...»

«Я прожила долгую жизнь и твёрдо знаю, что человек, нарушающий хоть одну из Десяти Заповедей, особенно пятую — «Чти отца и мать свою», — не будет счастлив и благополучен. Красота, творчество, талант очень много значат для меня. Но Вера превыше всего! Только с ней жизнь обретает полноту и смысл», — утверждала А. И. Цветаева.

Именно вера спасала её в сталинских лагерях и сибирской ссылке, помогала не сломиться духом, сохранить любовь к миру и людям...

«И с юности не пойму, отчего же так мил человек, тленный, подверженный всем влияниям, как огонь на ветру? Что же светит в нём, как маяк в ночи, как лучина — в темной избушке? Образ и подобие Божие?» — писала Анастасия Ивановна Цветаева.

МАЛЫМ ДЕТЯМ И ВСЕМ ЖИВОТНЫМ ОНА ГОВОРИЛА: «ВЫ»

Телеграмма

В фондах музея Анастасии Цветаевой хранится удивительная телеграмма. Вернее, не сама телеграмма, полученная в конце 60-х годов прошлого века адресатом в Павлодаре (невесткой писательницы), а её черновик, оригинал, написанный рукой А. И. Цветаевой:

«Поздравляю именинниками выслала авиа подарочек телеграфь отметку Олиного вчерашнего экзамена идя к Бекам пусть берёт угощение Ральфу чтобы не бросался...»

Ну не поразительно ли – в телеграмме из Москвы в Павлодар писать ещё и о какой-то собаке! Но в том то и дело, что Ральф был не совсем обычной собакой, а большим другом Анастасии Ивановны.

Этому другу посвящён отдельный рассказ А. Цветаевой, вошедший в её книгу о животных «Непостижимые» (Москва, 1992). Впервые писательница увидела Ральфа маленьким щенком, придя в гости к своим хорошим знакомым – сёстрам Ирме и Луизе Бек (как и она, жившим в Павлодаре после многих лет репрессий). Сёстры Бек были замечательными музыкантами, впоследствии младшая внучка А. Цветаевой Оля Трухачёва брала у них уроки музыки.

«...Когда я пришла к моим павлодарским друзьям, в их уютный домик с палисадником, где горели торжественные, упоительные по разноцветности гладиолусы, мне под ноги бросился жёлтый пушистый щенок.

– Это ваш? Откуда такая прелесть? – присев, я стала гладить щенка.

– Привезли из аула! Вместо сбежавшего! Вчера! Ральф. Хорош, правда?

Пёсик рычал, захлёбывался игрой, закатывал глаза, кусался и лизал руки.

И каждый раз, как я приходила к его хозяевам, кормившим, поившим, купавшим его, но с ним не игравшим, – он кидался мне опростелью навстречу, точно я была не человек, а щенок...»

Недавно с помощью внука Ирмы Георгиевны Бек (которая живёт сейчас в Германии), павлодарца Алексея Ермакова, нам удалось получить фотографию того времени – Ральф со своей хозяйкой. Действительно, очаровательный был пёс!

Но вернёмся к рассказу Анастасии Ивановны. Когда на следующий год она снова приехала в Павлодар и пришла во двор дома сестёр Бек, её встретила «рыжая громадина», в которую вырос пушистый милый щенок.

«...И все недели, что я гостила у родных и приходила часто с внучками к друзьям, – наши встречи множили собачью и человеческую нежность, и дружба цвела. И ещё приезд, и ещё. Внучки боялись входить без меня, а при мне он был к ним приветлив. Но их мать, без меня пришедшую, кусал так, что она месяц ходила на перевязки».

В третьей части рассказа А. Цветаева описывает случай с Ральфом, когда он при ней поймал курицу, и впервые в жизни Анастасия Ивановна ударила собаку палкой. А внучка Оля стояла за забором и страшно кричала, боясь, что огромная собака просто разорвёт её хрупкую маленькую бабушку. Когда в сентябре 2014 года Ольга Андреевна Трухачёва приезжала из Москвы в Павлодар, в музей своей бабушки, она вспоминала этот случай: «Я присутствовала при всём, о чём пишет бабушка в этом рассказе. Я орала, как безумная, испугалась. Но Ральф отступил...» А бабушка по пути домой уже спокойно объясняла внучке: «Ну вот, видишь, что значит любовь собачья! Ему и в голову не пришло на меня броситься. Он оттуда, из будки, просил прощения, как только опомнился».

И последняя встреча с Ральфом: «Прошло ещё несколько лет. Снова я в Павлодаре. Друзья мои продали домик, переехав в квартиру “с удобствами”, – вместе с домом продали сторожа. Я шла на свидание с Ральфом.

– Куда Вы? – истошным голосом кричит женщина, выскочив на порог, видя, что я открываю калитку... Но я уже прорвалась мимо новой хозяйки, и мы с Ральфом обнялись, праздную встречу и память, и я что-то кричала счастливое возмущённой хозяйке...»

«СОБАКУ пишу большими буквами»

На семейной фотографии, сделанной в Павлодаре в апреле 1958 года, когда сюда приезжала дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрон, Анастасия Ивановна держит в правой руке кусочек хлеба, за которым, стоя на задних лапах, тянется пёс. Наверное, тот самый, о котором упоминает она в книге «Моя Сибирь», описывая обустройство своей новой избушки в Пихтовке, в ссылке: «...Годы спустя эту занавеску я засунула лютой зимой в павлодарскую собачью будку нашему дорогому Джульбарсу. Как он был рад! Там морозы ниже 40...»

Сколько трогательных, душевных строк посвятила А. И. Цветаева своим четвероногим друзьям! В повести «Старость и молодость» автор вопрошает: «Есть ли на свете существа благодарнее и благороднее собак?» Ответ был известен для неё с детства...

В романе «Амор» А. И. Цветаевой главная героиня говорит любимому мужчине (и это звучит как высшая похвала): «Какая вы собака, Моризц! Ах, какая вы тонкая собака...»

С какой любовью, с каким знанием дела описывает собак Анастасия Ивановна! В повести «Моя Сибирь» им посвящены целые главы («Бобка и Барбос», «Появление Домки. Руслан и его хозяева»). Знакомство и зарождающаяся дружба, нежная привязанность, незаслуженная обида, прощение и верность, невыносимая боль потерь, словом, весь спектр человеческих чувств и взаимоотношений представлен в этих главах.

Белла Ахмадулина познакомилась с А. Цветаевой в 1976 году, после одного поэтического вечера, переданного по телевидению. Анастасия Ивановна расска-

зывала, как поразили её стихи Беллы: «...И в середине строчки вдруг: “входит в комнату собака, с душой, исполненной добра”. За то, как произнесла это – обрела её сестрой, дочерью...» Ахмадулина в очерке «Робкий путь к Набокову» приводит слова А. И. Цветаевой, сказанные ей: «Не только Собаку пишу с большой буквы, но всю СОБАКУ пишу большими буквами». И далее пишет: «Анастасия Ивановна малым детям и всем животным говорила: «Вы», и за всех нас поровну молилась и сейчас, наверное, молится» (Б. Ахмадулина «Миг бытия». М., «Аграф», 1997).

Тираж книги А. Цветаевой о животных «Непостижимые» был немаленьким – 50 тысяч экземпляров, но она уже давно стала библиографической редкостью. Мы счастливы, что в 2014 году эту книгу подарила нашему музею друг А. И. Цветаевой Галина Яковлевна Никитина (Москва). Вдвойне дорог этот подарок, потому что на книге – автограф самой писательницы.

Действие трёх рассказов из этого сборника происходит в Павлодаре. Один из них называется «Цапа, Вася и Том-Том». Есть, кстати, в нашем музее ещё один редкий экспонат. Ещё в 1998 году младшая внучка А. И. Цветаевой Ольга Андреевна Трухачёва подарила мне небольшую самодельную книжечку с машинописным текстом – рассказом бабушки «Цапа, Вася и Том-Том», с автографом автора. Книжка датирована 1974 годом, то есть ей 40 лет... Теперь она в музее А. Цветаевой. Тоже бесценная реликвия.

Анастасия Ивановна посвятила этот рассказ невестке – Нине Андреевне Трухачёвой. Речь в нём идёт о первой павлодарской зиме семьи Трухачёвых и трёх котях, которые жили в их избушке на улице Карла Маркса. «Внучке Рите было девять лет, и она, как отец и как я, обожала кошек...»

...Не только к собакам и кошкам младшая Цветаева относилась так трепетно, но и ко всему существу – как к живому. В повести «Старость и молодость» есть такие слова:

«Только недавно я стала ступать на траву – есть такая травка-муравка, кудрявая, низкая, я её гущу обходила ещё в прошлом году... – щадила. Теперь – иду. Отчего? Мало ходить осталось. Она, кажется мне, не сердится. Она – возродится. Я исчезну скорей, чем она».

Павлодар

